

И.Я. СЕЛЮТИНА

**ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА КУМАНДИНЦЕВ
КАК ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

Кумандинцы вместе с чалканцами и туба-кижи составляют группу северных алтайцев. Несмотря на то, что смешанные, неоднородные по своему происхождению североалтайские этносы со времени их консолидации значительно сблизились в отношении языка, культуры, быта и территории, они еще не утратили следов, свидетельствующих об их сложном этногенезе. Отчетливее всего разнокомпонентность этнического состава рассматриваемых аборигенных групп северных алтайцев проявляется в их языках, каждый из которых сформировался на основе ряда языков-субстратов [Потапов, 1969, с. 78; Сатлаев, 1974].

По своим основным фонетическим, грамматическим и лексическим признакам язык кумандинцев близок к тюркским языкам кыпчакской группы. Вместе с тем, как отмечает Н.А. Баскаков [1972, с. 6–7], в лексике кумандинского и чалканского диалектов сохранилось также много древних элементов енисейско-остяцкого, самоедского, монгольского и некоторых других этнических субстратов, о чем свидетельствуют отдельные слова, которые не могут быть отнесены к основному лексическому фонду тюркских языков. Кроме того, в языках современных северных алтайских племен, в том числе и в языке кумандинцев, сохранился значительный лексический слой, связанный с древнетюркскими языками [Потапов, 1969, с. 188].

Такая неоднородность языкового материала послужила причиной неадекватности соотнесения языка кумандинцев с той или иной группой языков в различных лингвистических классификациях. В классификации тюркских языков В.В. Радлова [1882, с. 280–291], Ф.Е. Корша [1910, с. 114–127], Г. Рамстедта–М. Рясенена [1955], основой которых служит фонетическая сторона языка, кумандинский язык вместе с лебединским (tau), тубинским (tau), а также алтайским, телеутским и телесским (tau > tū) относится к северо-восточным j-языкам уйгурского типа. В классификации А. Самойловича [1922] язык кумандинцев, как и большинство северных алтайских диалектов, а также алтайский, киргизский, казахский языки отнесены к северо-западной, или кыпчакской, группе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 99-04-00112 а).

К.Г. Менгес выделяет группу южно-сибирских («собственно сибирских») тюркских языков, куда относит все диалекты алтайского языка без подразделения их на северные и южные [1968, с. 60]. В исторической классификации тюркских языков С.Е. Малова, где в качестве классификационных признаков вводятся тенденция озвончения и опереднения звуков, кумандинский язык относится к новым тюркским языкам в отличие от алтайского (ойротского) — новейшего тюркского языка [1951, с. 5–7]. В генеалогической классификации тюркских языков, разработанной Н.А. Баскаковым, кумандинский диалект вместе с другими диалектами северного Алтая отнесен к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнотюркской ветви тюркских языков [1966, с. 16].

Таким образом, по вопросу о классификационной соотнесенности языка кумандинцев с той или иной языковой группой у ученых-тюркологов нет единого мнения, что свидетельствует о необходимости дальнейших лингвистических исследований и прежде всего исследований экспериментально-фонетических.

Основатель отечественной школы тюркологии **В.В. Радлов**, построив в «Phonetik der nördlichen Türksprachen...» обобщенные классификационные таблицы гласных и согласных для языков северных тюрков и подробно охарактеризовав вокализм и консонантизм каждого из языков и диалектов, к сожалению, не приводит данных собственно по языку кумандинцев, а констатирует факты либо для языков, близкородственных кумандинскому — чалканскому, тубинскому и шорскому, либо дает обобщенную характеристику всей группы северных алтайских языков. Поэтому звуковую систему языка кумандинцев второй половины XIX века можно лишь реконструировать косвенным путем по данным, приведенным В.В. Радловым в «Phonetik...», а также по материалам его «Словаря...» [1893–1911].

Всего для североалтайских языков он выделяет 29 простых согласных (einfache Consonanten) звуков, которые делятся им по активному органу (с последующим уточнением его локализации, т. е. пассивного органа) на губные (Lippenlaute) p, b, f, v, m, w, ɸ; переднеязычные (Laute der vorderen Zunge) t, d, s, š, z, ž, ʈ, n, l, ł, r; гуттуральные (Laute der hinteren Zunge) q, k, x, χ, g, γ, ğ, j, ñ, ĝ, ĩ. Все простые согласные делятся им по традиции индоевропейского языкознания на шумные (geräusche Laute) и сонорные (sonore Consonanten) с последующим разбиением шумных на глухие (tonlose) и звонкие (tönende); шумные согласные подразделяются также, в зависимости от способа образования шума, на экс-

плозивные (explosive Laute) и спиранты (Spiranten). Кроме того, В.В. Радлов выделяет 7 сложных звуков-аффрикат (zusammenengesetzte) — *n, ʏ, ʧ, c, ć, č, ğ* и 9 палатализованных (palatalisierte) — *k, g, s, z, š, ž, ć, č, ğ*.

В анлауте для диалектов Северного Алтая (лебединского и тубинского) В.В. Радлов констатировал 13 согласных: 7 глухих — *q, k, t, č, s, š, p*; один полугласный (Vocal-Consonant) — *j*; 5 сонорных — *m, r, l, n, ɲ*. В ауслауте для северных диалектов Алтая, включенных в Томско-Енисейскую группу, зафиксированы сонорные *ʈ, l, m, r, n, ɲ, ğ* и те же, что и в анлаутной позиции, шумные глухие *q, k, p, t, s, š, č* (тубадиалект). В инлауте для лебединского, тубинского и шорского диалектов отмечены сонорные *ɲ, n, m, ʈ, l, r* и шумные звонкие *ʧ, ʧ̣ (g), d, z, ž, ğ, b*. Кроме того, для инлаутной позиции В.В. Радловым выделены 5 возможных типов консонантных сочетаний: шумный глухой + шумный глухой, шумный звонкий + шумный звонкий, сонорный + сонорный, сонорный + шумный, шумный + сонорный.

Таким образом, если классификационную таблицу, построенную В.В. Радловым для северных тюркских языков, наполнить только данными, отмеченными им для североалтайских диалектов, то можно будет косвенным путем восстановить кумандинский консонантизм 2-й половины XIX века. Сопоставляя дистрибуцию кумандинских согласных, какой она зафиксирована В.В. Радловым, с распределением кумандинских согласных на современном этапе развития языка, можно отметить следующее. В *инициальной* позиции в настоящее время встречаются те же шумные глухие согласные, что и у В.В. Радлова, при этом употребление среднеязычной (в настоящее время) аффрикаты *ħç*, трактуемой автором как *ç = t + š*, довольно ограничено по сравнению со смычным взрывным среднеязычным *ħ* в этой же позиции, вообще не отмеченным В.В. Радловым для североалтайских языков, хотя и зафиксированным им для северных тюрков вообще (*ʧ̣ = t + j*, где «выговор первого звука *t* очень слабый»); появление смычного *ħ* на месте смычно-щелевого *ħç* свидетельствует о развитии консонантизма по пути *дезаффрикатизации*. Согласный *j*, интерпретируемый В.В. Радловым как полугласный, также никогда не встречается в инициали современных кумандинских словоформ — на его месте имеем *ħ*. Таким образом, в анлаутной позиции современные кумандинцы, как и столетие тому назад, употребляют только сонорные (малозвонные) и шумные глухие согласные.

В *финальной* позиции, кроме зафиксированных В.В. Радловым шумных глухих и сонорных согласных, употребляется малошумный *j*, а также не констатированный им в «Phonetik...» для североалтайского ауслота, но отмеченный им же в «Опыте словаря тюркских наречий...» для данной группы диалектов звук *ǰ* (по Радлову, *ǰ* — плавный звук, при произношении которого «замыкание на мягком нёбе так слабо, что воздух пробивается толчками, так что этот звук похож на ряд г-г-г»). Особый интерес представляет выявленный В.В. Радловым специфически североалтайский сонорный *ǰ̄*, видимо, ошибочно помещенный им в ряд смычных носовых согласных; правильнее было бы трактовать его как сонорный спирант *q* (*ɣ*).

В *инлаутной* позиции, кроме отмеченных В.В. Радловым шумных звонких и сонорных звуков, в настоящее время констатируются также малошумные *q* и *j*. Вызывает сомнение правомерность выделения автором «Phonetik...» для инлаутной позиции только сонорных и шумных звонких согласных и отсутствие в ней шумных глухих *p*, *t*, *k*, *s*, *ʃ*, зафиксированных впоследствии Н.А. Баскаковым, а также автором данной работы в значительном количестве кумандинских словоформ. Отсутствие в современном В.В. Радлову языке кумандинцев интервокальных шумных глухих согласных и появление их спустя столетие свидетельствовало бы о развитии кумандинского консонантизма по пути «оглушения», в то время как для тюркских языков характерна обратная тенденция — тенденция «озвончения».

Представляет интерес и отсутствие в материалах В.В. Радлова по североалтайским языкам щелевых *x* (*χ*), отмеченных в современном языке кумандинцев в ряде позиций. Этот факт свидетельствует о развитии подсистемы кумандинских смычных согласных по пути *спирантизации*. На процесс спирантизации указывает и то, что впервые выделенный В.В. Радловым специфически североалтайский сонант *q* характеризуется им как слабосмычный. В языке современных кумандинцев это щелевой сонант, реализующийся в зависимости от твердоярдной или мягкорядной позиции в двух оттенках — велярно-увулярном и междуточноязычном. В близкородственном кумандинскому языку чалканцев это также щелевой сонант, реализующийся в одном — междуточноязычном оттенке, индифферентном к палатальной гармонии [Мандрова, 1982, с. 12]. Подтверждением вывода о спирантизации кумандинских смычных согласных является и возможность факультативного исполь-

зования в ряде позиций как смычных, так и целевых оттенков фонем [p] и [k].

Что касается медиально-интервокальных сочетаний согласных, то кроме фонетических комплексов, констатированных В.В. Радловым, отмечается также сочетание шумный звонкий + сонант; комбинация шумного глухого с сонантом возможна только для \int ; выявленные В.В. Радловым сочетания типа: шумный звонкий + шумный звонкий в настоящее время не фиксируются (как и в близкородственных чалканском, тубинском, а также хакасско-сагайском).

Таким образом, сопоставление кумандинского консонантизма второй половины XIX века с современным его состоянием свидетельствует о тенденции к расширению сферы функционирования сонантов в ауслауте и инслауте, о развитии подсистемы смычных по пути спирантизации, а смычно-целевых — дезаффрикатизации. В целом же отмеченные явления позволяют сделать вывод о развитии артикуляционно-акустической базы кумандинцев по линии *ослабления, экономии* мышечных усилий.

Относительно системы североалтайских *гласных* В.В. Радлов не делает особых помет, упоминает только иной по отношению к южноалтайским диалектам тип гармонии гласных: южные — poŋondo, poŋot, qoŋdon, oŋtor; северные — poŋanda, moŋat, qoŋdan, oŋtar.

Первым научным описанием языка кумандинцев является монография **Н.А. Баскакова** «Диалект кумандинцев...», в которой автор привёл собранный и систематизированный им большой лексический и грамматический материал, а также значительное количество текстов, записанных в фонетической транскрипции; здесь же автор дает краткое описание звукового состава языка кумандинцев.

Н.А. Баскаков выделяет для кумандинского диалекта 16 гласных звуков, которые, по его мнению, «в основных чертах являются общими с теми же гласными алтайского языка»: а, э (е), ы, и, о, ö, у, ü, аа, ээ (ее), бы, ии, оо, öö, уу, üü. Все гласные делятся им на краткие и длинные, передние и задние, широкие и узкие, неогубленные и огубленные. Такой структурно-функциональный подход к трактовке вокализма в отрыве от субстанционального анализа не дает адекватных представлений о системе реализаций единиц языка.

Для консонантизма Н.А. Баскаков выделяет 13 фонем, реализующихся в виде 26 вариантов (в скобках даны варианты согласных фонем):

п (б, в), к (к, х), г (г, х), т (д), ш (ж), с (з), й, л, м, н, нь, р, ч (дж, ш, щ, дь, ть, нь).

Все согласные звуки делятся им по месту и способу образования, а также по наличию голоса на шумные и сонорные с последующим подразделением шумных на глухие и звонкие, причем в парах гомоганных звуков типа п–б, т–д, с–з, ш–ж звонкие элементы пар рассматриваются как интервокальные комбинаторные варианты фонем. Однако при такой интерпретации фонетического материала остается необъясненным использование глухих звуков -п-, -т- и -к- в интервокальной позиции и в медиальных сочетаниях с сонорными наряду с употребляющимися в этой позиции звонкими -б-, -д- и -г-: ара:ʃ 'белый', qaβa:n 'злой', ʃ'alpa:n 'завял', ʃalbaq 'широкий'; qatu 'твердый', qadu 'гвоздь', alʃ 'шесть', alʃ 'зверь'; m'εk'ε 'обман', εg'ε 'точка', t'yl'k'ε 'лиса', p'el'g'ε 'на спине'.

Кроме того, выделение двух заднетвердонебно-язычных фонем к и г с заднемягконебно-язычными вариантами к̄, х и г̄, х (соответственно) не проясняет природы фонетических чередований типа: s'ε:k' 'комар', s'ε:y'ɪ 'комар (его)'; aq 'плыть', a:ɣm 'поплыть'.

Характеризуя в целом фонетическую структуру северной и южной групп диалектов алтайского языка, Н.А. Баскаков отмечает следующие основные их особенности и расхождения [1947, с. 222; 1969, с. 344–347].

В области гласных (северные ~ южные) — у ~ о: ул ~ ол 'он'; ура ~ оро 'яма'; ү ~ ø: түрø ~ бөрү 'волк'; пүрүк ~ пөрүк 'шапка'; и ~ э: сибис ~ сэмис 'жирный'; пик ~ пэк 'крепкий'; оо ~ уу: оол ~ уул 'парень'; қооқ ~ қууқ 'мочевой пузырь'; аа ~ уу / оо: паар ~ буур 'печень'; аас ~ оос 'рот'.

В области согласных (северные ~ южные) — г / w ~ уу / үү в конце слова: таг ~ туу 'гора', суг ~ суу 'вода'; ч / ж' ~ д' / т' в начале и середине слова: чыл ~ д'ыл 'год', чап ~ д'ап 'закрывать', ача / ажа ~ ад'а 'старший брат'; н' ~ д' в начале слова: н'аан ~ д'аан 'большой', н'агыс ~ д'агыс 'одинокий'; ш' ~ ч в начале слова: ш'анақ ~ чанақ 'сани', ш'экпэн ~ чэкпэн 'сукно'; ж' ~ ч в середине слова: пыж'ақ ~ пычақ 'нож', қаж'ан ~ қачан 'когда'; м ~ б в начале слова: малқаш ~ балқаш 'грязь'; мурсақ ~ борсоқ 'барсук'; б / в̄ ~ м в середине слова: тэбир / тэвир ~ тэмир 'железо'; кэбэ / кэвэ ~ кэмэ 'лодка'; диссимилиация согласных в северной группе: кэлти ~ кэлди 'он пришел', алтылар ~ алдылар 'они взяли'.

Экспедиционные и экспериментально-фонетические материалы, собранные автором данной статьи, подтверждают наличие в языке кумандинцев соответствий долгих гласных *aa*, *oo* южноалтайским *уу* / *оо*, *уу*. В отношении соответствий гласных *у* ~ *о* кумандинский вокализм ведет себя по южноалтайскому типу: *ол* 'он', *оро* 'яма'. Что касается соответствий мягкорядных гласных по ширине раствора рта — *ү* ~ *ø*, *и* ~ *э*, то в различных кумандинских говорах возможны оба варианта, хотя более частотными являются реализации с широкими гласными *ø*, *э*, т. е. по южноалтайскому варианту: *бөрү* ~ *түрø* 'волк'; *пөрүк* ~ *пүрүк* 'шапка'; *сэмис* ~ *сибис* 'жирный'; *пэк* ~ *пик* 'крепкий'. Таким образом, современный кумандинский вокализм отдает предпочтение более широким, а также неогубленным артикуляциям. В наших экспедиционных материалах зафиксированы также следующие соответствия согласных: *г* / *w* ~ *уу* / *үү* в конце слова; *н'* ~ *д'*, *м* ~ *б* в начале слова; *б* / *в̆* ~ *м* в середине слова, хотя факультативно здесь отмечаются и словоформы с интервокальным -*м*-. Соответствие *ч* / *ж'* ~ *д'* / *т'* выдерживается только в середине слова: *ача* / *аж'а* ~ *ад'а* 'старший брат'. В инициально-превокальной же позиции для представителей различных кумандинских сёёков констатированы очень неоднородные данные: наряду с соответствием *ч* ~ *д'* (Солтонский говор), встречаются также *т' ~ д'* (Красногорский говор) и *т' / ч ~ д'* (Турачакский говор). Соответствие *ш'* ~ *ч* в собранных автором материалах реализуется и по северному, и по южному типу: *шанақ* 'сани', но *чекпен* 'сукно'; в середине слова кумандинцы на месте североалтайского *ж'* используют южноалтайское *ч*: *пычақ* 'нож', *қачан* 'когда'. Что касается случаев диссимиляции согласных типа *кэлти*, *алтылар*, то в материалах они не зафиксированы; фонетические комплексы звуков *рт*, *лт*, *ңт* встречаются только в неразложимых основах, например, *алты* 'шесть', *эртэ* 'рано', *маңта* 'скачи'.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что живой развивающийся язык кумандинцев трудно подвести под классификационные стандарты, предложенные Н.А. Баскаковым — по одним параметрам его действительно можно отнести к северной группе алтайских диалектов, по другим он сближается с южной группой, по третьим же занимает промежуточную позицию, реализуя одни пласты лексики по северному варианту, другие — по южному. Вызывает возражение и характеристика языка кумандинцев как *ј*-языка: *койон* 'заяц', но *адак* 'нога'. Не случайно А.М. Щербак относит язык кумандинцев к смешанной группе, в

которую включены тюркские языки, представляющие трудности для классификации, в отличие от южных алтайских диалектов, отнесенных им к кыпчакской группе [1994, с. 39–40].

Таким образом, краткий обзор истории вопроса свидетельствует о специфике звукового строя диалекта кумандинцев, который, составляя вместе с тубинским и чалканским группу северных диалектов алтайского языка, значительно отличается по основным грамматическим, лексическим и фонетическим признакам от южных диалектов. Вместе с тем, кумандинский сохранил и много специфических черт, весьма характерных и отличающих его как от других алтайских диалектов, так и от других тюркских языков. Эти факты, так же как и аргументы этносоциального характера, свидетельствуют об актуальности экспериментально-фонетических исследований языков народов северного Алтая, в частности, языка кумандинцев.

В основу данного исследования положена концепция В.М. Надеяева о возможности использования *фактов экспериментальной фонетики* для реконструкции *истории* языков и этнических групп. Поскольку фонетическая система относительно автономна в системе языка, а артикуляционно-акустическая база (ААБ) представляет собой *динамический стереотип*: видоизменяясь, она, тем не менее, передается из поколения в поколение в своих существенных чертах, — эти особенности артикуляционно-акустической базы позволяют использовать её (в совокупности с данными исторических дисциплин) в качестве источника при реконструкции древнейших этногенетических процессов, что особенно важно для истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников [Надеяев, 1980, с. 3–43; 1986 а, с. 3–15; см. также: Касаткин, 1999].

Проведённое исследование звуковой системы языка кумандинцев собственно лингвистическими и инструментальными методами свидетельствует о следующем.

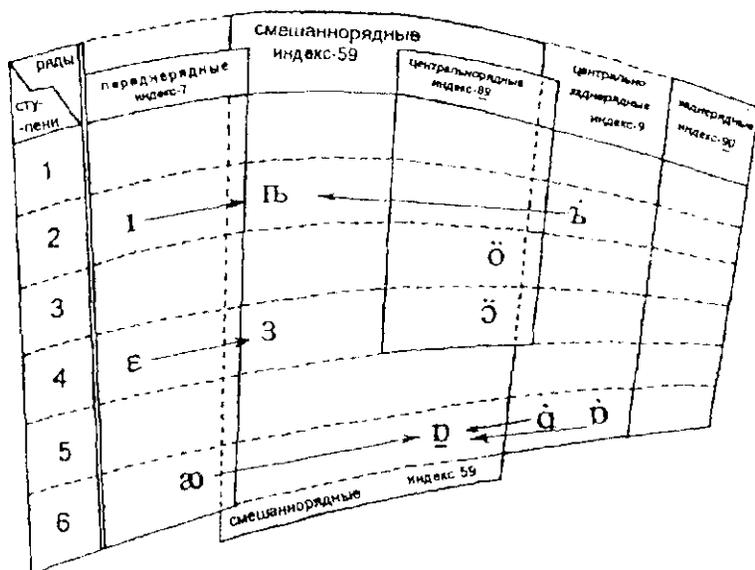
1. **Вокальная фонологическая** система языка кумандинцев включает **14 единиц**: а [á], ы [ǎ], о [ǒ], у [ǔ], э [ε], и [i], ö [æ], ү [ö]; аа [á:], оо [ǒ:], уу [ǔ:], ээ [ε:], öö [æ:], үү [ö:]; долгие узкие неогубленные фонемы ыы [ǎ:], ии [i:] являются периферийными (табл. 1) [Селютина, 1998].

2. Кумандинский вокализм структурируется **квалитативными** оппозициями по **артикуляторному ряду**: *переднерядные* — е [ε₇], и [i₇₈], ö [æ₇₈^{1/2}~ɤ₅₉], *центральнорядные* — у [ǔ^{1/4}₈₉], ү [ö^{1/2}₈₉], *центрально-заднерядные* — а [á₉~ɔ₅₉], ы [ǎ^{1/2}_{1/2} 89], о [ǒ^{1/5}₈₉^{1/2}]; **подъему**: узкие

(2-я ступень) — Ы [ɨ́], И [ɪ], *полуширокие* (3-я и 4-я ступени) — е [ɛ], у [ɤ], Ъ [ö] и *широкие* (6-я ступень) — а [á], о [ò], ö [æ]; *огублению*: неогубленные — а [á], Ы [ɨ́], Э [ɛ], И [ɪ] и *огубленные* — о [ò], у [ɤ], Ö [æ], Ъ [ö]; а также *квантитативной* оппозицией по *краткости* — а [á], Ы [ɨ́], о [ò], у [ɤ], Э [ɛ], И [ɪ], Ö [æ], Ъ [ö] и *долготе* — аа [á:], оо [ò:], уу [ɤ:], ЭЭ [ɛ:], öö [æ:], ъѡ [ö:].

Таблица 1

Основные типы гласных в языке кумандинцев

3. Специфика кумандинской артикуляционно-акустической базы в области вокализма определяется следующими характеристиками: 1) высокая степень *открытости* артикуляций; 2) наличие *центрального* и *смешанного* артикуляторных рядов; 3) *отодвинутость* переднерядных артикуляций назад наряду с *продвинутостью* центральнорядных и центральнозаднерядных артикуляций вперед; 4) *переход* переднерядных и центральнорядных артикуляций в *смешаннорядные* (а [á~ɹ], Э [ɛ (~з)], о [ò (~ɹ)], ö [æ~ɹ], И [ɪ (~ɨ)], Ы [ɨ́ (~ɨ)]), влекущий за собой *совпадение* звуков различной природы в одной *смешаннорядной* настройке: (а [á~ɹ], о [ò (~ɹ)], ö [æ~ɹ]; в аффиксах — совпадение И [ɪ (~ɨ)] и Ы [ɨ́]

(~пъ)); 5) функционирование в рамках *мягкого сингармонического* ряда *трех артикуляторных* рядов — переднего, центрального ~ смешанного; 6) минимальная продуктивность переднерядных артикуляций по сравнению с центральнорядными и ~ смешаннорядными в мягкорядных словоформах; 7) *плоскощелевое* умеренно и слабо выраженное *огубление* со значительной выдвинутостью губ вперед, с тенденцией к *делабиализации* широкого огубленного гласного ö [æ→ɐ] и, напротив, к *лабиализации* широкого неогубленного а [ä~ɹ̥].

4. Выявленные особенности артикуляторно-акустической базы кумандинцев в области вокализма демонстрируют существенный **сдвиг** исследуемой **системы** относительно тюркского вокализма уйгуро-огузского типа, четко структурируемого в соответствии с основной его функцией обслуживания потребностей сингармонизма по ряду (передний — задний), подъему (узкий — широкий), огублению (неогубленный — огубленный). На первом этапе тюркизации *бинарные* оппозиции языка-донора по ряду и подъему трансформировались в фонетической системе языка-реципиента в нечетко выраженную *триаду* оппозиций: передний — центральный — центральнозадний, узкий — полуширокий — широкий. **Перестройка системы гласных**, один из этапов которой зафиксирован на современном синхронном срезе языка, обусловлена **конфликтом** между ААБ языка-субстрата угро-самодийского типа и навязанной ему системой функций, выполняемых вокализмом в языке-суперстрате. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных признаков фонем, к так называемому «нарушению» палатальной (прежде всего, мягкорядной) гармонии гласных [Selyutina, 2000, с. 27–32], к появлению третьего сингармонического ряда — нейтрального, к многочисленным «нарушениям» лабиальной гармонии гласных.

5. Последовавшая затем *кыпчакизация* языков Южной Сибири привела к дальнейшему сдвигу фонетической системы. Под воздействием кыпчакского суперстрата с его развитой подсистемой *центрально-рядных* гласных, соответствующих, как показывают наши исследования, уйгуро-огузским переднерядным, получили развитие некоторые субстратные закономерности *комбинаторики*, в соответствии с которыми переднеязычные согласные в препозиции к переднерядным узким неогубленным гласным выбирали оттенки I, E, отодвинутые назад и расширенные, по сравнению с гласными того же переднего ряда i, e,

имеющими в препозиции непереднеязычные (губные, среднеязычные, заднеязычные) согласные [Куркина, 2000, с. 18–22]. Развита подсистема кыпчакских центральнорядных гласных в функции мягкорядных стимулировала *сдвиг* в определенных позиционно-комбинаторных условиях отодвинутых назад оттенков *переднерядных* фонем [i] и [e] в *центральный* артикуляторный ряд, представленный в языке-субстрате лишь огубленными гласными фонемами [ö] и [õ].

В дальнейшем этот процесс дал различные рефлексy в языках Южной Сибири — в хакасском переднерядный И [i] и центральнорядный і [гь] получили фонематический статус, в северных диалектах Алтая и в шорском эти настройки являются комбинаторными вариантами одной фонемы; в южных же диалектах Алтая сохранились комбинаторные закономерности языка-основы, гласные центрального ряда появляются лишь факультативно, оставаясь на периферии системы. С другой стороны, рассматриваемые особенности аккомодации гласных и согласных получили тотальное развитие во всем ареале южносибирских тюркских языков, охватив не только неогубленный, но и огубленный мягкорядный вокализм и обусловив два ряда корреляций в пределах мягкорядных словоформ: среднеязычный консонант + переднерядный гласный / переднеязычный консонант + непереднерядный (центральнорядный, смешаннорядный) гласный.

6. Указанные процессы, возможно, лежат в основе такого явления, как *«перелом»*, *«перебой»* гласных, заключающийся в переходе широких древнетюркских гласных в узкие и в расширении узких до полушироких; при этом в южно-сибирских тюркских языках изменение подъема сопровождается изменением артикуляторной рядности. Не случайно это явление фиксируется в тех тюркских языках (татарский, башкирский, язык барабинских татар, языки алтае-саянского региона) [Богородицкий, 1928, с. 115; Гарипов, 1979; Дмитриев, 1948, с. 27; Киекбаев, 1956, с. 221–229; Тумашева, 1968, с. 22; 1989, с. 5–18; Дмитриева, 1997, с. 200; Исхаков, 1956, с. 15; Кыштымова, 1991; Селютина, 1995, с. 69–76; Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 106–169], в антропогенезе носителей которых обнаруживается *финно-угорский субстрат* либо тесное разновременное и разнохарактерное контактирование с племенами этого типа.

7. В свою очередь, фонические и фонологические преобразования привели к перестройке **системы сингармонизма**, то есть системы алгоритмов организации звуковых оболочек монотематических словоформ,

ассимилятивных и аккомодационных закономерностей: в тюркских языках Южной Сибири фиксируются различные модификации **ступенчатого сингармонизма** с функционированием уже не двух, а **трех палатальных** рядов: *мягкий*, обслуживаемый переднерядными и центральнорядными или только переднерядными гласными различной степени отодвинутости; *твердый* сингармонический ряд, реализующийся в различных языках в центральнозаднерядных или заднерядных артикуляциях; *нейтральный*, манифестируемый смешаннорядными гласными как в аффиксах словоформ с мягкорядными, так и в аффиксах словоформ с твердорядными основами. Аккомодационные процессы реализуются в пределах *слога*, а не слова [Селютина, 1999, с. 58–62]. Параллели с монгольским сингармонизмом можно трактовать скорее как явление ареального характера, нежели как результат прямого влияния монгольского языка на алтае-саянские тюркские языки.

8. Кумандинский вокализм сохраняет устойчивую оппозицию по **темпоральному** признаку: **стяженные долгие** гласные длинее кратких в среднем в 1,8 раза (по позициям в 1,4–2,1 раза). Кроме *вторичной стяженной* долготы, развившейся в результате упрощения фонетического комплекса VCV → V:, в языке кумандинцев чрезвычайно продуктивна **позиционная** долгота этимологически кратких гласных: в би- и полисиллабах с (более) широким гласным открытого слога, предшествующего слогу с (более) узким гласным, отмечается закономерное (в большинстве случаев значительное) удлинение этимологически кратких (более) широких гласных перед (более) узкими, свидетельствующее о **чередовании** в данной позиции кратких гласных с долгими того же качества, например: at ‘конь’ — a:ɖ ‘конь (его)’. Таким образом, в кумандинской вокалической системе, наряду с не завершившимся еще процессом образования *стяженной* долготы гласных, в определенных фонетических условиях происходит **фонологизация** *позиционной* долготы гласных, свойственная языкам *кыпчакским* или сильно *кыпчакизированным* [Рясянен, 1955, с. 42–58; Филоненко, 1940, с. 12–13; Покровская, 1964, с. 30–38; Дырленкова, 1941, с. 22–23; Дмитриев, 1955, с. 182–191; Бирюкович, 1975, с. 55–67; Боргояков, 1966, с. 81–98; Шавлова, 1983, с. 9–10; Селютина, 1989, с. 162–166].

9. Определение экспериментально-фонетическим способом основных **конститутивно-дифференциальных признаков**, структурирующих подсистему кумандинского консонантизма (табл. 2) из **17 согласных фонем** (*шумность / малошумность*, для шумных — *долготноопреде-*

ленность /долготнонеопределенность, для долготноопределенных — **краткость /долгота**), позволило интерпретировать структурный тип этой подсистемы как базирующийся на противопоставлении по количественным параметрам и являющийся разновидностью одного из четырех типов систем противопоставления согласных фонем, функционирующих в тюркских языках [Селютина, 1983]. Такая трактовка фонетического материала в корне отличается от предшествующих квалификаций алтайского консонантизма в традициях индоевропейского языкознания как структурируемого оппозицией по шумности/сонорности с последующим разбиением шумных на глухие и звонкие. Консонантные системы этого же типа функционируют в северных и южных диалектах Алтая [Чумакаева, 1978; Меркурьев, 1974, с. 49–64; Машталир, 1985, с. 69–79; Мандрова, 1982], в сагайском диалекте хакасского языка [Чанков, 1957; Субракова, 2000, с. 52–53], в мрасском диалекте шорского языка [Поспелова, 1982, с. 143–153]. В тувинском языке система организуется противопоставлением согласных фонем по **степени артикуляторной напряженности** [Сат, 1966, с. 388–389], темпоральные характеристики носят позиционный характер, маркируя конец слога в неоднослоговых словосормах [Кечил-оол, 2000, с. 134–136]. Обращение к тюркским языкам северной Сибири — якутскому и долганскому, указывает на релевантность оппозиции согласных по **звонкости / глухости** [Дьячковский, 1977], однако средние относительные данные по долганскому языку указывают на переходный характер системы, в которой формируется оппозиция по количеству [Бельтюкова, 1983, с. 55–58].

10. Функционирование в ряде алтае-саянских тюркских языков системы, структурируемой оппозицией по длительности, сложившейся вследствие преломления субстратным **угро-самодийским** населением артикуляционно-акустической базы суперстрата, указывает на наличие в кумандинском этническом образовании **древнетюркских** компонентов со свойственной им тройной оппозицией сильных /слабых/сверхслабых консонантов: неприемлемая для языка коренного населения **сильная** артикуляция реализовалась как **долгая**. Тувинский и тофский консонантизм сохранил в различной степени особенности древнетюркской системы [Наделяев, 1969, с. 235–236; Рассадин, 1971].

11. Северные и южные диалекты Алтая **различаются** в основном **субстанциональными** характеристиками своих артикуляционно-акустических баз; в организации **фонологических** систем этих групп диалектов больше **сходств**, нежели различий. **Фонические** отличия северных и

южных диалектов Алтая, а также других языков и диалектов Южной Сибири обусловлены, прежде всего, *разнокомпонентностью общего субстрата* угро-самодийского типа; общие признаки в структурно-таксономической организации вокальной и консонантной фонологических систем северных диалектов Алтая, хакасского и шорского языков, с одной стороны, и алтайского литературного языка и южных диалектов Алтая, с другой, указывают на наличие в генезисе носителей этих диалектов общих суперстратов, причем итоги трансформации консонантных систем свидетельствуют об уйгуро-огузском тюркском влиянии, процессы же, происходящие в вокалических системах, указывают на кыпчакско-тюркское воздействие. Принципиальные расхождения в преломлении древнетюркской консонантной фонологической системы в диалектах алтайского, шорского и хакасского языков, с одной стороны, и тувинского и тофского, с другой, можно объяснить более сильной кыпчакизацией первой группы языков и более сильной монголизацией тувинского и тофского, особенно если учесть, что некоторые группы монголов — древние тюрки по происхождению и их консонантные системы строятся на противопоставлении по степени напряженности [Наделяев, 1986 а]; тувинский и тофский вокализм по характеру фонации специфических фарингализованных гласных обнаруживает сходство с кетским языком [Феер, 1998].

12. Особенности функционирования фонологических систем позволяют соотнести тюркские языки Южной Сибири с различными классификационными группами циркумбайкальского языкового союза [Наделяев, 1986 б, с. 3–4]: специфика организации алтайского, шорского и хакасского консонантизма служит основанием для выделения этих языков в саяно-алтайский подсоюз (схема 1); наличие в системе вокализма фарингализованных гласных (в тувинском языке — в фонологическом статусе, в тофском — в фоническом) позволяет отнести их к байкало-саянской ветви циркумбайкальского языкового союза.

13. Выявленные в Сүт-Хельском говоре центрального диалекта тувинского языка рефлексy четверичной оппозиции согласных по степени мускульной напряженности [Монгуш, 2001, с. 127–149] восходят, по-видимому, к более древней пратюркской системе с тройной оппозицией в классе шумных согласных [Широбокова, 2000, с. 6], что позволяет дополнить предложенную выше схему оппозиций согласных по артикуляторной напряженности (схема 2).

Схема 1

Системы оппозиций согласных фонем в языках циркумбайкальского языкового союза

Оппозиция по степени напряженности

Оппозиция по длительности

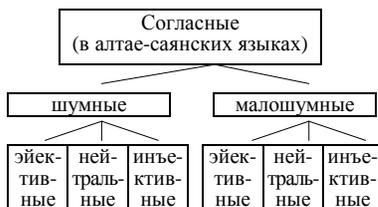
Оппозиция по звонкости/глухости

Схема 2

Схема 3

14. Изучение особенностей артикуляционно-акустической базы шорцев, носителей мрасского диалекта, и предварительные результаты проверки на релевантность количественно-качественных параметров шорских согласных позволяют предположить возможность функционирования на территории Южной Сибири консонантных систем, структурируемых тройной оппозицией по положению гортани: эйективные, инъективные, нейтральные артикуляции (схема 3). Это явление, впервые в сибиреведении описанное систематически Б.Б. Феером при изучении

кетского вокализма [1998, с. 108], зафиксировано Н.С. Уртегешевым при исследовании консонантизма в шорском языке [Уртегешев, 2001, с. 62–97], для которого со значительной долей вероятности предполагается кетский субстрат.

15. Границы фонических и фонологических процессов могут не совпадать с границами языков и даже языковых групп: вовлекая в преобразования какие-то части различных языковых семей, фонетические трансформации приобретают ареальный характер, вследствие чего различия между генетически родственными языками могут оказаться значительнее, нежели между языками, не имеющими общего корня, но входящими в один языковой союз (подсоюз).

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Очерк грамматики ойротского языка. М., 1947.
- Баскаков Н.А.* Тюркские языки. (Общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 7–42.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Баскаков Н.А.* Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.
- Бельтюкова Н.П.* О соотношении глухости-звонкости в долганском языке // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983, с. 55–58.
- Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. 1975, № 6, с. 55–67.
- Богородицкий В.А.* О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8.
- Борзояков М.И.* Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1966. Вып. XII, с. 81–98.
- Гаринов Т.М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дмитриев Н.К.* Долгие гласные в туркменском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955, с. 182–191.
- Дмитриева Л.В.* Барабинских татар язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997, с. 199–205.
- Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Часть II. Консонантизм. Якутск, 1977.
- Исхаков Ф.Г.* Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956.
- Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Кечил-оол С.В.* Дистрибуция тувинских шумных щелевых и смычно-щелевых согласных (Сүт-Хольский говор центрального диалекта) // Вторая зимняя типологическая школа. Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000, с. 134–136.

Киекбаев Д.Г. О передвижении гласных в башкирском языке // Ученые записки Башкирского гос. педагогического института. Вып. VIII. Серия филологическая. Уфа, 1956, с. 221–229.

Корзи Ф.Е. Классификация турецких племён по языкам // Этнографическое обозрение. М., 1910, № 1–2.

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000.

Кыштымова Г.В. Состав и системы гласных фонем в сагайском и качинском диалектах хакасского языка (Экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951.

Мандрова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.

Маиталир С.И. Инвентарь согласных фонем языка теленгитов // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985, с. 69–79.

Меркурьев К.В. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 49–64.

Монгуш С.В. Шумные согласные Сүт-Хельского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001, с. 127–149.

Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969, с. 235–236.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980, с. 3–43.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986 а, с. 3–15.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986 б, с. 3–4.

Покровская Л.П. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Поспелова Н.Б. Фонемы [k]₁ и [k]₂ в мрасском диалекте шорского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982, с. 143–153.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев (Историко-этнографический очерк). Л., 1969.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. Спб., 1893–1911.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974.

Селютин И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.

Селютина И.Я. Фонологизация позиционной долготы гласных в северных диалектах Алтая // *Viertes Internationales Symposion «Uralische Phonologie»*. Hamburg, 1989, s. 162–166.

Селютина И.Я. Соответствия гласных по ряду и подъему в языке кумандинцев // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия филологическая, №4. Новосибирск, 1995, с. 69–76.

Селютина И.Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1998.

Селютина И.Я. Сингармонизм в мягкорядных словоформах в тюркских языках Южной Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. Серия: Филология, № 4. Новосибирск, 1999, с. 58–62.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.

Субракова В.В. Дифференциальные признаки шумных консонантов (на материале Нижне-Тейского говора хакасского языка) // *Материалы XXXVIII Международной конференции «Студент и научно-технический прогресс»*. Филология. Новосибирск, 2000, с. 52–53.

Тумашева Д.Г. *Язык сибирских татар*. Казань, 1968.

Тумашева Д.Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры*. М., 1989, с. 5–18.

Уртегешев Н.С. Звуки шорского языка, обозначаемые графемами *п* и *б* (на материале мрасского диалекта) // *Языки коренных народов Сибири*. Вып. 9. Фонологические системы. Новосибирск, 2001, с. 62–97.

Феер Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998.

Филоненко В.И. *Грамматика балкарского языка*. Нальчик, 1940.

Чанков Д.И. *Согласные хакасского языка (Опыт экспериментального исследования)*. Абакан, 1957.

Чумакаева М.Ч. *Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований)*. Горно-Алтайск, 1978.

Шавлова Н.В. *Словесное ударение в нижнемрасском говоре шорского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Алма-Ата, 1983.

Широбокова Н.Н. *Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири*. Автореф. дис. ... д. филол. н. – Якутск, 2000

Щербак А.М. *Введение в сравнительное изучение тюркских языков*. СПб., 1994.

Menges K.H. *The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies* // *Ural-Altaische Bibliothek*. Wiesbaden, 1968, XV.

Radloff W. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, 1882.

Selyutina I. *Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia* // *Turcologica* 46. *Studies on Turkish and Turkic Languages*. Wiesbaden, 2000, p. 27–32.